

СРЕДИ КНИГ

ИЗДАНО
В СССР

СЕМЕРО ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

Долгий путь возвращения. Повести. Перевод с итальянского. Составитель З. Потапова. Редакторы Е. Бабун и Л. Борисевич. Послесловие Г. Богемского. Москва, «Прогресс», 1965. 527 стр.

Знакомство с книгой, составленной по принципу антологии или сборника, обычно начинается с оглавления, заглянув в которое читатель получает ответ на свой первый вопрос: чьи произведения он найдет в книге?

В сборник «Долгий путь возвращения» вошли семь повестей семи современных итальянских прозаиков. Шесть из них уже известны в нашей стране. Новое имя одно: Джорджо Бассани. Это писатель, занимающий видное место в послевоенной итальянской литературе, занимающий его не случайно, в чем, хотя и с некоторым опозданием, русский читатель сможет теперь убедиться лично.

Напечатанная в сборнике повесть Бассани «Мемориальная доска» (перевод Т. Блантер) — глубоко человеческое произведение, проникнутое ненавистью к фашизму, произведение, направленное против равнодушия, которое в свое время сделало многих итальянских и немецких обывателей статистами, занятыми в трагедии, умело разыгранной такими «режиссерами», как Гитлер и Муссолини.

Джео Иоц, герой повести, чудом уцелевший в немецком концлагере, возвращается в Феррару в тот самый день, когда на стену городской синагоги прилаживают мемори-

альную доску с именами 183 евреев, уничтоженных фашистами. Здесь, на виа Мадзини, живой Джео Иоц встречается с Джео Иоцем мертвым — на мраморе доски высечено и его имя.

Война позади. Люди верят в то, что «началась новая эра и она, во всяком случае, лучше той, другой, которая, как долгий, кошмарный сон, уходила сейчас в прошлое, захлебнувшись в крови». Жизнь продолжается. В колею этой жизни пытается войти, правда не сразу, и Джео Иоц. В час аперитива его можно увидеть в кафе «Борса», оставшемся политическим центром города. Вместо кожаной тужурки и военных брюк на нем теперь габардиновый костюм, сшитый у лучшего в городе портного, вместо старой меховой шапки — фетровая шляпа. Он собирается открыть магазин отца, «торговца тканями, исчезнувшего вместе с женой и ребенком в печах Бухенвальда».

И вдруг все изменилось. В один из майских вечеров на виа Мадзини, той самой улице, где висит мемориальная доска, появился старый граф Скокка, бывший платный осведомитель фашистской тайной полиции, возглавлявший с 1939 по 1943 год феррарское отделение Института итало-германской культуры. Тут его и увидел Джео, который подошел к старику, любовавшемуся в это время девушками, и закатил ему «ни за что ни про что» две звучные пощечины.

На следующий день Джео предстал перед своими согражданами, возмущенными его «необъяснимым» поступком, «в тех самых лохмотьях, в которых вернулся из Германии в августе 1945 года». Отныне он одевался только так.

«Добропорядочные» феррарцы возмущены поведением Джео. До сих пор он, казалось бы, спокойно встречался с прямыми и коварными виновниками смерти родителей и младшего брата, как ни в чем не бывало дружно сбросившими черные мундиры и облачившимися в гражданскую одежду. Но не их, а Джео в его лагерных лохмотьях, «добропорядочные» феррарцы называют

«ряженым», тогда как о настоящих ряженных они говорят так: «Старики теперь казались безобидными, годы неудач наложили на их лица и фигуры свой отпечаток, и однако они вели себя скромно и благопристойно, были хорошо одеты и производили впечатление людей более мягких, вызвали большее сочувствие и заслуживали большей жалости, нежели тот, другой, нежели Джео».

Летом 1948 года Джео Иоц неожиданно исчезает из Феррары. Он не может жить в этом городе, среди обывателей, называющих его «ходячей загадкой». У этих людей короткая память. Их философия мешан сводится к одному: своя рубашка ближе к телу. С такой философией им не понять воскресшего из мертвых, которого оскорбляют приветствия сограждан, неизменно начинающиеся кощунственным «Со счастливым возвращением». Нет, Джео Иоц не вернулся в Феррару — он ненадолго заехал в родной город по пути неведомо куда, как бы специально за тем, чтобы убедиться, что пыль, покрывающая со временем мемориальные доски, нередко ложится густым слоем и на страницы «книги памяти», как называл Данте живую человеческую память.

Повесть «Строительная афера» (перевод С. Ошерова) — одно из лучших произведений Игало Кальвино, написанных в этом жанре. В центре повести стоит образ Квинто Анфосси, мелкобуржуазного интеллигента, бывшего партизана, бывшего коммуниста. Не желая признаваться себе, что все у него в прошлом, Анфосси делает вид, что занимается серьезным делом, «строя планы насчет будущего общества, насчет рабочих и интеллигенции...» Но трудно обмануть самого себя. И вот, чтобы не умереть от скуки, а заодно и выкарабкаться из постоянных денежных затруднений, Анфосси решает продать небольшой участок рядом с домом матери (сам Квинто уже давно не живет в родном городе), взяв в уплату часть квартир в доме, который будет там построен, чтобы сдавать их в аренду. Так судьба сводит Квинто с неким Кайсотти, берущим подряды на строительные работы.

Наводя справки о своем будущем компаньоне, Квинто не слышит о нем ни одного доброго слова. Одержимый духом противоречия, Квинто проникается к Кайсотти тем большей симпатией, чем хуже отзываются о подрядчике представители того класса, к какому принадлежит сам Квинто. Героя повести привлекает также возможность померяться силами с этим едва грамотным крестьянином, с одним из «скароспелых беззастенчивых предпринимателей», появившихся в послевоенной Италии.

Победа в этой борьбе останется за Кайсотти. Строительная афера должна окончиться для Анфосси крахом. Одновременно это будет очeredной и, возможно, окончательный крах человека с весьма смутными идеалами, трусливо скрывающего при встрече с бывшими товарищами по партии, что он, Квинто, уже давно не коммунист.

Кальвино блестяще владеет искусством рассказчика, каждый вставной эпизод несет

у него большую самостоятельную нагрузку, помогая читателю глубже проникнуть в психологию героя, лучше разобраться в его отношениях с самим собой. Аллегоричен конец повести: «Солнце быстро садилось за дом Кайсотти, и все меньше солнечных лучей, проникая между планками жалюзи, падало на серебряную посуду в буфете... И вот уже те лучи, что пробивались меж самых верхних планок, стали угасать на блестящих изогнутых стенках ваз и чайниц».

Третьим «китом», на котором держится сборник «Долгий путь возвращения», несомненно следует считать талантливую повесть сицилийца Леонардо Шаша «Когда днем прилетает сова» (перевод Ю. Добровольской). В 1962 году повесть была опубликована в журнале «Иностранная литература» в другом переводе и под другим заглавием — «Сова появляется днем», от которого новый переводчик отказался, повторив тем не менее ошибку своего предшественника: в оригинале повесть называется «Il giorno della civetta», буквально «День совы», то есть дневная жизнь совы, когда хищная птица невинно спит, отдыхая после ночной охоты. Читатели несомненно обратят внимание на это захватывающее произведение о преступлениях сицилийской мафии и ее связях с правящими кругами страны, о мужественном и честном капитане карабинеров Беллоди, у которого связаны руки, но который полон решимости довести до конца борьбу с чудовищными беззакониями, царящими на отсталом феодальном Юге.

Помимо произведений названных авторов, читатель найдет в книге повесть «Братья» Марчелло Вентури (перевод Я. Лесюка), «Майская фотография» Доменико Реа (перевод С. Бушуевой) и «Скуарчо» Франко Солинаса в переводе Г. Богемского (кстати, последняя также знакома советским читателям в журнальной публикации).

В сборнике явно не повезло такому крупному писателю, как Карло Кассола, представленному далеко не лучшим своим произ-

ведением — повестью «Старые товарищи» (перевод Г. Богемского и Р. Хлодовского).

Книга хорошо, в целом, переведена. Правда, встречаются в ней и основательные погрешности против русского языка. Например: «...это, конечно, не касалось дяди Даниэле, которого приводило в негодование и вызывало полемический жар присутствие...»; «...никто никогда о нем ничего не узнает, ни тогда, ни теперь...»; «...они честно признавались и даже удивлялись своему равнодушию...» («Мемориальная доска» Д. Бассани). Или в «Майской фотографии» Д. Реа: «...Морроне, прозванного так за разительное сходство с толстыми кусками древесины, которые отправляют на лесопилку»; «...дом, с постоянно опущенными жалюзи».

Собрав под одной обложкой семь представителей современной итальянской прозы, издательство дало читателю хорошую книгу. Можно, конечно, оспаривать правомерность включения в нее некоторых имен, можно сомневаться в том, стоило ли включать в такого рода книгу произведения, ранее напечатанные по-русски, можно, наконец, говорить, что сборник только выиграл бы, если бы хронологические рамки его оказались более приближенными к сегодняшнему дню итальянской литературы (повести, включенные в сборник, появившийся у нас в 1965 году, написаны в начале, в лучшем случае — в середине пятидесятых годов). Можно, но нужно ли? Ведь книга уже родилась. Одни ее прочли, другие читают. Третьи — пусть прочтут.

ЕВГ. СОЛОНОВИЧ

КАК СОВЛАДАТЬ С ВЕТРОМ?

Александр Ноубл. Мальчик с флейтой. Перевод с английского А. Клышко и А. Файнгара. Москва. «Молодая гвардия», 1965. 256 стр.

Все сложно и все необычно в этом романе — первом художественном произведении африканского журналиста Александра Чарльза Ноубла — белого, выросшего в Трансваале, недалеко от Йоханнесбурга. Здесь же молодой писатель поселяет своих героев.

Все сложно и все необычно в этом романе: бунт негров против белых вспыхивает вроде бы случайно — как реакция спровоцированных черным расистом и одурманенных алкоголем людей на бандитизм взрывчатого (черного же!) шофера, несущегося на машине, груженной наркотиками.

Жертвой бунта становится великодушный полицейский Бильон, один из немногих белых африканцев, сознающий, что «кафр — такой же человек, как и я», и упорно отстаивающий это свое кредо перед самодовольными суперменами и суперменшами.

Сбитый машиной пьяного негра, борется со смертью доктор Вреде — белый доктор, всей душой любящий своих черных пациентов.

«Молоко человеческой доброты скисло в старшем констебле Бильоне», — с горечью пишет автор. Придя в сознание после ранений, нанесенных ему бунтовщиками, Бильон в ярости бросается на толпу...

Так что же? Не следует ли отсюда, что правда остается на стороне младшего констебля Бола, прозванного Маисом за свое пристрастие к этому злаку, початок которого служит ему и кастетом, и лакомством? Целиком поглощенный «физическим совершенствованием своего тела», «высокоинтеллектуальный» Маис презирал негров до такой степени, что «думал о них в целом, ему и в голову не приходило различать в них индивидуальности».

«Кафр всего только кафр», — утверждает Бол. Так думает и надутая индюшка, нелюбимая жена Бильона, и торговец наркотиками Мадзаполус, и многие другие белые обыватели захолустного городка Бракплатца, изнывающего от жары в волнистых равнинах Трансвааля.

Но автор и вместе с ним читатель думают иначе.

Когда все накалено, нужна лишь искра, чтобы вспыхнул пожар. Трансвааль накален, накален ненавистью. Аборигенам надоели вечные унижения, вечные оскорбления со стороны всемогущих «баасов» — белых господ. Нужна только искра! А когда начинается пожар, огонь уже не разбирает ни правых, ни виновных.

Кого же следует осудить — пожар или тех, кто его провоцирует?

Появляющийся в романе негр-расист, этот негатив белого расиста, этот «Маис наобо-

СРЕДИ КНИГ